

**ПРОСВЕТИТЕЛИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
МОДЕРНИЗИРУЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ РЕФОРМ
И ЭТНИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР
ГОРСКИХ НАРОДОВ В XIX ВЕКЕ**

Магомеднаби Магомедмирзоевич Айбатов

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Республика Дагестан, Россия,
aibatov52@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются подходы некоторых просветителей Северного Кавказа на проблемы взаимодействия государственно-правовых реформ Российской империи, проведенных в XIX веке, и этнических государственно-правовых культур горских народов. Автор подчеркивает, что северокавказские просветители исходили из совместимости, гармонизации европейских форм государственно-правовой жизни и правосознания с сохранением национальной специфики горских государственно-правовых культур. Потребность в исследовании фундаментальных духовных оснований национально-культурного бытия диктовалась, по мнению просветителей, не только сугубо научными задачами углубленного этнографического изучения кавказских народов, но и задачами государственной управленческой практики в крае.

Ключевые слова: Северный Кавказ, реформы, государство, право, идентичность, просветители, гармонизация, национальная особенность

Для цитирования: Айбатов М. М. Просветители Северного Кавказа о взаимодействии модернизирующих государственно-правовых реформ и этнических государственно-правовых культур горских народов в XIX веке // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 44–49. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-3-44-49>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

**ENLIGHTENERS OF THE NORTH CAUCASUS ON THE INTERACTION
OF MODERNIZING STATE-LEGAL REFORMS AND ETHNIC STATE-LEGAL CULTURES
OF THE MOUNTAIN PEOPLES IN THE XIX CENTURY**

Magomednabi M. Aibatov

Dagestan State University, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation, aibatov52@yandex.ru

Abstract. The article examines the approaches of some educators of the North Caucasus to the problems of interaction between the state-legal reforms of the Russian Empire carried out in the 19th century and the ethnic state-legal cultures of the mountain peoples. The author emphasizes that the North Caucasian enlighteners proceeded from the compatibility, harmonization of European forms of state-legal life and legal consciousness with the preservation of the national specifics of the mountain state-legal cultures. According to the enlighteners, the need to study the fundamental spiritual foundations of national and cultural existence was dictated not only by the purely scientific tasks of in-depth ethnographic study of the Caucasian peoples, but also by the tasks of state management practice in the region.

Keywords: North Caucasus, reforms, state, law, identity, educators, harmonization, national peculiarity

For citation: Aibatov M. M. Enlighteners of the North Caucasus on the interaction of modernizing state-legal reforms and ethnic state-legal cultures of the mountain peoples in the XIX century. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(3):44–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-3-44-49>

От включения в современную государственно-правовую цивилизацию, от усвоения её достижений зависит существование целых народов, обреченных в противном случае на неразвитость, нищету и государственную отсталость. Технические, научные и социальные достижения современного мира необходимы для северокавказских народов, чтобы жить в большом современном мире и цивилизованном государстве.

Для горской интеллигенции XIX в. европеизация не означала неизбежного разрыва в культурно-исторической преемственности Северного Кавказ. Просветители исходили из совместимости, гармонизации европейских форм государственно-правовой жизни и правосознания с сохранением национальной специфики горских государственно-правовых культур, ставили вопрос не только о преодолении традиций как источника архаики и консерватизма, но и их соответствующей интерпретации и отборе, отвечающих задачам современности. Не механическое перенесение на горскую почву европейских государственно-правовых институтов, норм поведения и мышления, а соединение достижений Европы с традиционным общественно-политическим строем горской жизни, его творческое преобразование.

Россия, выступившая в годы реформ в XIX в. модернизатором горского быта и образа жизни, должна была исходить из культурного разнообразия кавказских народов. «От русского общества требовалось дать направление, разумный исход богатым нравственным и умственным силам горцев, направить их к деятельности среди мирной человеческой гражданственности... на нем лежал долг воспитать горские племена» [1], – писал, выражая чаяния всех северокавказских просветителей, А. Гассиев.

Реализация программы государственно-правовой «европеизации» требовала изучения этнического облика горских народов, их государственно-правовой жизни, этнографии, истории. Кавказская администрация в целях организации управления и экономического освоения региона всячески поощряла историко-этнографическое изучение Северного Кавказа. 60-70-е годы XIX века – время бурного расцвета российского кавказоведения. Вышли обстоятельные исследования и фундаментальные археографические публикации крупных кавказоведов А. П. Берже, П. Г. Буткова, Н. Ф. Дубровина, В. Б. Пфафа, Д. Я. Лаврова и др.

Особым интересом к горской тематике, обилием ценных публикаций о государственно-правовом и об историко-этнографическом прошлом народов Кавказа отличались «Сборник сведений о кавказских горцах» и «Терские ведомости», сыгравшие к тому же и важную организующую роль в пореформенном кавказоведении [2].

В контексте реформационной традиции понимания в северокавказском просветительстве шли напряженные поиски национальной идентичности. В центре внимания просветительской историографии был исторически изменяющийся «дух народа» как он представлен в результатах его деяний, в характере его общественных порядков и институтов, в нравах и обычаях образующих его индивидов. Их интересует не судьба отдельной личности, а коллективная жизнь народа, то, что можно было бы назвать «национальной культурой». Просветители заостряют внимание на «смыслообразующих» основах национальных горских государственно-правовых культур, на тех духовных структурах, которые в современной науке принято называть «ментальными» [3].

А. Гассиев подчеркивал, что народный характер, обычаи, нравы, моральное и религиозное мировоззрение, словом, все культурное достояние народа вырабатывается взаимодействием двух факторов: внешней природы (начиная от почвы, на которой живет народ, и кончая самыми отдаленными космическими отношениями страны) и общих племенных особенностей физической и духовной организации народа, приобретающих устойчивость еще до начала исторической жизни народа» [1].

Потребность в исследовании фундаментальных духовных оснований национально-культурного бытия диктовалась, по мнению просветителей, не только сугубо научными задачами углубленного этнографического изучения кавказских народов, но и задачами государственной управленческой практики в крае. «Прежде чем управлять каким бы то ни было народом, нужно понять прежде всего местной администрации дух того народа, среди которого она поставлена, – писал И. Кануков в очерке «Заметки горца». –... А между тем

начальники местные на Кавказе большею частью совершенно чужды знанию народных обычаев и духа народа» [4]. На то, к каким трагедиям приводит подобное незнание, И. Кануков указывает, цитируя обширные выписки из труда Н. Ф. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе» [5]. Все примеры драматических столкновений властей с горцами, взаимных неприязненных действий коренятся в «непонимании народного правового духа, с которым нужно всегда соотноситься во всем» [4, с. 331].

Социальные и государственно-правовые реформы на Северном Кавказе должны были, по замыслу кавказской администрации, поставить хозяйство горцев на путь более эффективного и производительного развития, изменить и преобразовать общественный, государственно-правовой и экономический быт горцев. Однако, поскольку реформы носили административно-бюрократический характер, то, в принципе, далеко выходили за рамки менталитета основной части населения. Поэтому для Д. С. Кодзокова важной задачей реформы была оценка замыслов с точки зрения возможностей исторически сложившейся этнической правовой культуры, ее традиций и норм, предполагаемых сдвигов в сознании, на которые можно было реально рассчитывать.

В основе всех государственно-правовых реформационных мероприятий лежал земельный вопрос, затрагивавший все прослойки и социальные категории горских обществ. Земельная реформа должна была психологически подготовить местное население к отмене крепостного права и вызвать у населения доверие к мероприятиям администрации, к правительственной аграрно-крестьянской политике на Кавказе. При проведении земельной реформы в Кабарде Д. С. Кодзоков настаивал на общинной форме землепользования «как более соответствующей народным традициям и отказывал в земельной собственности горской феодальной верхушке» [6, с. 119-120].

Как видим, общинная форма землепользования была для него переходной формой, могущей подготовить население к восприятию идеи частной земельной собственности. Однако мнение Д. С. Кодзокова не было поддержано администрацией Кавказа, вставшей на путь наделения горской феодальной верхушки крупными земельными участками на правах частной собственности.

Социально-экономические и государственно-правовые новации в ходе реформ не сочетались с духовно-культурными, не подкреплялись ими; сущность и смысл реформ оставались непонятными большей части горского населения. «Невозможно без крайнего вмешательства приказать изменить жизнь, выработанную веками, не приготовив людей к восприятию желаемых государственно-правовых изменений» [6, с.100].

Залогом продуктивного и бесконфликтного государственно-правового развития горских народов являлось для Д. С. Кодзокова выяснение политической среды и национальных особенностей, которые неминуемо придали бы уникальный характер формам проведения здесь реформ. «Жизнь кабардинца, сложившаяся веками и по местным условиям мало подвинувшаяся от привычек предков, представляет столько особенностей, что человеку, не знающему этой странной, причудливой и пустой жизни, трудно и даже нельзя понять, почему-то, что кажется полезно и применимо к одному и даже нескольким народам, вредно и неприменимо к нашему туземцу» [6, с. 99].

Восприятие тех или иных реалий кавказской государственно-правовой жизни сквозь призму ценностей европейской государственности и права давало подчас искаженную картину реальности, побуждало реформаторов к «неоправданной торопливости в проведении преобразований» [6, с.102].

Тема «корректировки» реформ в соответствии с политико-правовыми традициями горских народов характерна и для творчества Чаха Ахриева. Как и все просветители, он исходит из необходимости в реформационных начинаниях считаться с национальными особенностями. Само собой разумеется, что «всякая попытка искоренения в народе невежества и вредных понятий должна быть предпринята сообразно с духом этого народа и его обстановкой» [7].

Тема соответствия государственно-правовых реформ «духу народа» – общепросветительская и восходит к творчеству Ш. Монтескье [8, с. 54-55]. Французский просветитель всегда призывал законодателей с величайшей осторожностью относиться к народному характеру разных народов. Одна из глав «Духа законов» так и называлась – «Не все следует исправлять». Не случайно Ш. Монтескье резко порицал Петра I за то, что он при проведении реформ «игнорировал русские народные обычаи и традиции» [9, с. 412-413].

Культура выступает для Ч. Ахриева как инстанция, которой дано «узаконить» те или иные реформационные начинания, дать им духовную санкцию. Но с другой стороны, культура может выступать как традиция, способная тормозить новации, если они не соответствуют ее «архетипам». «Напротив того, введение условий жизни, несоответствующих народному характеру или не удовлетворяющих идее прогрессивного развития народной жизни, возбуждают в народном характере реакцию и антагонизм к нововводимым государственно-правовым преобразованиям» [9, с.413], – пишет он.

Отрыв реформационного авангарда от основ национальных горских традиций и базовых правовых ценностей грозил риском тотальной дестабилизации. «Очевидно, что бесхитрое, башибузукское отношение к своему делу (реформаторов. – М.А.) действует в этом случае деморализующим образом на народный характер и надолго задерживает введение между полудиким народом гражданственности» [9, с. 412].

К числу «выдающихся особенностей ингушского характера» Ч. Ахриев относил «демократический индивидуализм», «которым проникнуты все самобытные общественные учреждения ингуш» [9, с. 413]. Именно эта черта народного характера ингушей – демократический индивидуализм, – представленная во всех общественных порядках и институтах, отличает этот народ «не только от соседнего с ним, осетинского, но и от многих других племен, населяющих Терскую область и часть Дагестанской, и вообще центр левого фланга Кавказа» [10, с.31].

Общественный и государственно-правовой строй, социальная практика, и все формы экономического поведения - все это предстает как производное от «особенностей народного характера». Раз сформировавшись, он обладает и большей исторической длительностью и большей устойчивостью относительно изменений общественно-политической и государственно-правовой жизни.

Народу, живущему родовыми общинами, родоплеменными образованиями («демократическими республиками», по выражению Ч. Ахриева), в условиях полной экономической автаркии были свойственны традиции самоуправления и самоорганизации. «Каждый отдельный аул самостоятельно управлялся старшими членами семьи и был в полной независимости от соседних аулов; только в случае большой опасности все аулы соединялись вместе для общей защиты, под управлением всех старших членов соединившихся обществ» [10, с.32].

Безусловно, тревожила просветителя перспектива адаптации народа со столь архаичными «демократическими» социальными традициями к государственно-правовым институтам империи. Знание о самобытной социально-правовой культуре ингушского народа могло помочь царской администрации смягчить риск столкновения этноса с требованиями жизни в большом сословном государстве.

Для того чтобы своевременно избежать катастрофических последствий форсированных модернистских государственно-правовых преобразований, необходима, по мысли просветителя, реалистическая политика реформ, базирующаяся на знании специфических параметров национальной правовой культуры, тех параметров, которые указывают величину приемлемых новшеств и задают шаг новизны, не нарушающий комфортное состояние общественного и правового сознания.

Так, например, Ч. Ахриев предостерегал от необдуманного попирания «туземных юридических обычаев». Успех судебной реформы в Ингушетии, по его мнению, зависел от «особенной системы соединять вводимые судебные реформы с такими туземными юридическими обычаями, нарушение которых может неблагоприятно подействовать на ускорение доверия туземцев к правительственным мерам» [10, с. 32]. Однако народный

характер – не абсолютно неизменная константа: с изменением общественно-политической обстановки после Кавказской войны, с появлением возможностей общения с русскими и соседними горскими народами он начинает изменяться. «В настоящее время... резкие и оригинальные особенности ингушского характера значительно видоизменяются с изменением общественных и государственно-правовых порядков края» [10, с.35].

Тема гармонизации европейских форм государственности и правового сознания с сохранением национальной специфики горской культуры получает развитие и в публицистике А. Г. Кешева. Эта тема преломляется у адыгского просветителя через осмысление связи и противостояния великой письменной (цивилизационной) и малой народной (устной) традиции.

В центре внимания публицистики А.-Г. Кешева те же проблемы, что волнуют всех просветителей – пути государственно-правового развития и социального обновления горских народов во второй половине XIX в.

Переломное настоящее Северного Кавказа, вышедшего из многовековой государственно-правовой замкнутости, требовало осмысления – и основой его могла стать история, наука практическая, тесно связанная с современностью, она – «пример и наука для настоящего» [11, с. 169]. Поэтому непростительно в его глазах какое бы то ни было забвение истории горцев, факты пренебрежительного отношения к кавказскому историческому прошлому со стороны современной ему отечественной науки. «Если справедливо вообще мнение, что без знания прошлого нельзя составить себе верного памятника о настоящем, – считает публицист, – то даже с практической точки зрения (не говоря уже о научном интересе) подобное равнодушие к горским обычаям и традициям является совершенно неизвинительным, ведь приносятся известные материальные и иные жертвы для достижения и не столь важных по своим последствиям целей, какую по справедливости нельзя не признать возможно основательное изучение кавказских племен в историческом, государственно-правовом и т. п. отношениях» [11, с. 170].

Из всех северокавказских народов именно у адыгов, полагает Кешев, «военно-аристократические свободные учреждения» получают наиболее полное воплощение, будучи возведены в «целую стройную систему». Многие стороны жизни адыгского общества подчинялись военно-прикладным целям, воинственный дух пронизывал политическую, общественную жизнь, нравы, обычаи.

Публицист пытается понять истоки такого своеобразного института, как наездничество (организация набегов с целью увода скота и племенных). Объяснить наездничество историческими причинами, а не природным «хищничеством» адыгов А.-Г. Кешев пытался еще в раннем литературном творчестве: «Черкесы, как и все народы, имели свой героический период, когда умение обманом или мечом добывать средства к существованию естественно сделалось необходимой принадлежностью человека в такую эпоху» [12, с. 70]. Речь идет о той стадии родового строя, которую Ф. Энгельс называл «военной демократией» с характерной для этого уклада страстью к военным походам в поисках добычи.

Таким образом, в рамках северокавказского просветительства второй половины XIX в. формировалось новое национальное самосознание горских народов. Это проявилось в стремлении рассматривать историю государственности горских народов как составную часть общечеловеческой истории, выявлении глубинных духовных факторов политического развития, своеобразия его хода на Северном Кавказе. Задача вхождения горских народов «в современность» понимается ими не просто как копирование или внедрение в ходе реформированных преобразований европейских государственно-правовых институтов и правового мышления, а как творческая разработка идей развития в соответствии со спецификой национальных особенностей.

Список источников

1. Гассиев А. А. По части книжных древностей // Кавказ. 1873. №36.
2. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. КЭС. М., 1958. Ч.II. Т. 2. С. 248-249.

3. Пушкарев Л. Н. Что такое менталитет? // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158–164.
4. Кануков И. К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев // Кавказ. 1879. № 48.
5. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 6 т. СПб., 1871–1888. Т.1. Очерк Каказа и народов, его населяющих, 1871.
6. Кумыков Т. Х. Дмитрий Кодзоков. Нальчик, 1986. С. 119–120.
7. Ахриев Ч. О положении ингушской женщины // Терские ведомости. 1871. № 31.
8. Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVII веке. М., 1958.
9. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.
10. Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушского народа // Терские ведомости. 1872. № 31.
11. Кешев А.-Г. О незаметном вымирании горских песен и преданий // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик: Эльбрус, 1980.
12. Кешев А.-Г. Два месяца в ауле // Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Записки черкеса. Нальчик: Эльбрус, 1986.

References

1. Gassiev A. A. On the part of book antiquities. *Kavkaz*. 1873; (36). (In Russ.)
2. Indirect M. O. *Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science*. KES. Moscow; 1958; part II, vol. 2:248-249. (In Russ.)
3. Pushkarev L. N. What is the mentality? *Domestic history*. 1995;(3):158-164. (In Russ.)
4. Kanukov I. On the question of the destruction of harmful customs among the Caucasian mountaineers. *Kavkaz*. 1879;(48). (In Russ.)
5. Dubrovin N. F. *History of the war and the rule of the Russians in the Caucasus*: in 6 vol. St. Petersburg, 1871-1888. Vol. 1. An essay on Kakaz and the peoples inhabiting it, 1871. (In Russ.)
6. Kумыков Т. Н. *Dmitry Kodzokov*. Nalchik, 1986, pp. 119-120. (In Russ.)
7. Akhriev Ch. About the situation of the Ingush woman. *Terskiye vedomosti*. 1871; (31). (In Russ.)
8. Volgin V. P. *The development of social thought in France in the XVII century*. Moscow; 1958. (In Russ.)
9. Montesquieu Sh. *Selected works*. Moscow; 1955. (In Russ.)
10. Akhriev Ch. Ethnographic essay of the Ingush people. *Terskiye vedomosti*. 1872; (31). (In Russ.)
11. Keshev A.-G. About the imperceptible extinction of mountain songs and legends. *Selected works of the Adyghe enlighteners*. Nalchik: Elbrus Publ., 1980. (In Russ.)
12. Keshev A.-G. Two months in the village. *Kalambiy (Adyl-Girey Keshev)*. Notes of the Circassian. Nalchik: Elbrus Publ., 1986. (In Russ.)

Информация об авторе

М. М. Айбатов – докт. юрид. наук, профессор кафедры истории государства и права юридического института Дагестанского государственного университета.

Information about the author

M. M. Aibatov – Doctor of Law, Professor of the Department of History of State and Law of the Law Institute of the Dagestan State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.07.2022; одобрена после рецензирования 25.07.2022; принята к публикации 26.07.2022.

The article was submitted 10.07.2022; approved after reviewing 25.07.2022; accepted for publication 26.07.2022.